

«Церковь будущего»

(«Ecclessia Gnostica» Достоевского, Соловьева и Мережковского)

К 200-летию Достоевского, как и следовало ожидать, сплошным потоком пошли публикации в духе «православной культуры», то есть, статьи, в которых без тени сомнения отстаивается апология Церкви у Достоевского, априори утверждается приверженность писателя не просто «христианству вообще» (то есть, синкретическому мистицизму, типичному для эпохи романтизма), но именно ортодоксальному, церковному Христианству.

«Летом 1878 года Федор Достоевский и Владимир Соловьев совершили поездку в Оптину пустынь. В пути Достоевский рассказал своему спутнику замысел дилогии. “Церковь, как положительный общественный идеал, должна была явиться центральной идеей нового романа или нового ряда романов, из которых написан только первый – «Братья Карамазовы»”, – говорит Владимир Соловьев. И продолжает: “Если мы захотим одним словом выразить социальный идеал Достоевского, то это не будет слово – народ, но будет – Церковь”» (Кокухин Н. [«Кто-то посетил мою душу...»](#)).[1]

С чем не поспоришь в данной публикации, так это с тем, что душа человеческая – это проходной двор, который постоянно «кто-то посещает», как квартиру покойного Берлиоза в романе Булгакова. Только, с точки зрения «социального идеала» Достоевского, или Православной Церкви как таковой, в подавляющем большинстве случаев делает это не Бог, но духовные существа совсем-совсем иного рода, «потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исход 33:20). При этом у тех, кого посещают «на астральном уровне», как раз возникает полное впечатление, что посетила их не иначе, как Сама Всесвятая Троица. В результате чего они сами делаются «как боги, знающие добро и зло» (Быт 3:5). Поэтому и прочие религиозные словеса, которые такой визионер отныне употребляет, приобретают значение, противоположное традиционному. Именно таким манером пользовались терминами «церковь», «христианство», «Бог», «Христос», «спасение», «Богочеловек», «Царство Божие» и т.д. Достоевский с Соловьевым, то есть, в сугубо гностическом (лжехристианском и антицерковном) значении.

«Всеу есть место в царстве Божиим, все может быть связано внутренней гармонической связью, ничто не должно быть подавлено и уничтожено. Духовное общество – церковь – должно подчинить себе общество мирское, возвышая его до себя, одухотворяя его, делая мирской элемент своим орудием и посредством – своим телом, причём внешнее единство является само собою как естественный результат» (Соловьев В.).[2]

«Таким образом (то есть в целях будущего), не церковь должна искать себе определенного места в государстве, как “всякий общественный союз” или как “союз людей для религиозных целей” (как выражается о церкви автор [духовное лицо], которому возражаю), а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели» (Достоевский Ф.).[3]

Между тем «духовное лицо», которому возражает Достоевский устами Ивана и гностических «старцев», дает определение Церкви, практически по Катехизису: «Церковь есть Богом установленное общество людей, соединённых православной верой, законом Божиим, священноначалием и Таинствами» (Пространный Катехизис свт. Филарета Московского. §250). Поэтому свою «всечеловеческую» «экклесиологию» Достоевский противопоставляет именно догматическому учению Православной Церкви о ней самой. «Верить в Церковь — значит благоговейно чтить истинную Церковь Христову и повиноваться её учению и заповедям с уверенностью, что в ней присутствует, спасительно действует, учит и управляет благодать, исходящая от единой вечной главы её, Господа Иисуса Христа. Видимая Церковь является предметом веры, в то время как вера есть уверенность в невидимом потому, что в видимой Церкви невидимо присутствует воспринятая ею и освящёнными в ней людьми благодать Божия, которая и является непосредственным объектом веры; видимая Церковь, к которой принадлежат все живущие на земле православные христиане, в то же время и невидима, поскольку она есть и на небесах и к ней принадлежат все скончавшиеся в истинной вере и святости» (Пространный Катехизис святителя Филарета Московского. §251-252). Соответственно, именно благодать Божия, «немощная врачующая и оскудевающая восполняющая» (чин хиротонии), незримо пребывающая в видимой Церкви как единственное средство спасения человека, и отрицается гностической «экклесиологией» почвенничества, в которой спасение обретается путем «нравственного самосовершенствования» и восстановления мифической «плеромы» («всепримирения», «всечеловеческой гармонии» и «всеединства» — в терминах Достоевского и Соловьева).

«...скажу несколько слов относительно обновления религиозного сознания. Как это слово понимать? Я думаю, наши русские философы Соловьев и Трубецкой стали уже на эту точку зрения... <...> Это есть христианское обновление. Обвиняют земную церковь в заблуждениях. Но что же бывает в мире явлений, как не заблуждения или недоразумения? Здесь, на земле, только отражение действительной церкви. Да, конечно, если принимать нас, людей, существующих сейчас, за церковь, то наше дело погибло. Но разве мы представляем собой весь мир? Сколько бы мы ни заблуждались, мы должны помнить, что всегда открыта дорога ко спасению. Я бы сказал, что возрождение [церкви] всегда существует параллельно с падением [церкви]. Падение и возрождение — это вечная струя истории. Теперь тоска по Боге стала сильнее чувствоваться, потому что материальный мир нас сильно давит, потому что мы попали в капкан материализма. Мы жаждем обновления, и будущая церковь представляется нам, как гармония материального мира, стремящегося к Отцу, как гармония отдельных личностей, стремящихся к тем идеалам, о которых Он сказал» (Розанов В.).[4]

«Обновление земной церкви» как «заблудшей», историческое «развитие» ее как «несовершенной», духовно неполноценной — это архетипическая установка гностицизма, постоянный признак этой ереси. «Гностицизм — это

собрание религиозных идей и систем, возникших в конце I века нашей эры среди еврейских и ранних христианских сект. Эти различные группы делали акцент на [превосходстве] личного духовного знания (гнозиса) над ортодоксальными учениями, традициями и авторитетом церкви. Считая материальное существование порочным или злым, гностическая космогония обычно проводит различие между верховным, скрытым Богом, и злобной меньшей божественностью (иногда ассоциируется с Яхве из Ветхого Завета), которая отвечает за создание материальной вселенной» ([Гностицизм](#)). И «несовершенство земной церкви» здесь это как раз выражение ложных представлений о Божестве, присущих канонической Церкви, и, соответственно, претензия гностика на истинное «откровение», на подлинное «знание» божественного.

«Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский “социализм” теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, по колику земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не созиждется еще церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют» (Достоевский Ф.).[\[5\]](#)

Отсюда «тоска о Бозе» религиозной диалектики Достоевского, противопоставлявшего эту «мистическую» тоску своего основного типа Великого Грешника (как Развитой Личности) не только вульгарной плотоядности социализма и либерализма (Белинскому и Герцену, в частности), но и «материализму» официальной Церкви, увы-увы, исторически падшей в «трех искушениях». О том и печаль человека «великой души».

«Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение, и возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир. <...> если мучается Франция, то единственно по вине католичества, ибо отвергла смрадного бога римского, а нового не сыскала» (Достоевский Ф.).[\[6\]](#)

Тем же самым мучается и Великий Грешник земли русской, он же – почетный «пророк» почвенничества, решительно отвергающий «смрадного демиурга» Греко-российской Православной Церкви за-ради гностического «истинного спасителя» – Нравственно Совершенного Человека, которого он «сыскал» в Новом Завете, и теперь намеревается распространить этот спасительный «гнозис» на весь отставший в духовном развитии мир, как поэт Бездомный после просветительских бесед с Мастером.

«Христианство нецерковно. Вот один из кажущихся парадоксов.

Христианство всегда делало одно из двух: или, отказываясь от всякой реализации, превращало Церковь, Тело Христово, в бестелесную отвлеченность; или, пытаясь ее реализовать, превращало Тело Христово в тело Зверя, государственного Левиафана, подменяло внутреннее соединение в любви и свободе внешней скрепою принуждения и насилия. Это общественное бессилие, эта нецерковность христианства происходят не от какого-либо случайного злонравия иерархии; нет, это — мистически предел христианства, рубеж, отделяющей второй завет от третьего» (Мережковский Д.).[7]

«Церковь как бы в параличе, и это уж давно. Не знают православия...» (Достоевский Ф.).[8]

А сам Поэт, стало быть, «православие» знает. Откуда же такие глубокие познания? – Ну как же-с... В остроге сидел-с, народ православный вблизи видел-с, Евангелие запоем читал-с... Что еще нужно, чтобы в благородном человеке зародилось страстное желание Церковь от исторического паралича исцелять, как Иешуа – того расслабленного?

«Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности...» (Достоевский Ф.).[9]

Да нешто мы не понимаем, мил-человек? Ясное дело, только при таком «развитии личности», как у Иисуса Христа и Джордано Бруно, такие великие подвиги может начать человек совершать...

«Существует изначально трансцендентное духовное единство, которое явилось источником обширного проявления множественности. Проявленная вселенная материи и разума (психика) была создана духовными существами, обладающими низшими силами, одной из их целей было дальнейшее отделение людей от единства (Бога). <...> Посланники света были посланы единством для продвижения Гнозиса среди людей. Величайшим из этих посланников в нашей исторической и географической матрице был Иисус Христос. <...> Посредством духовной практики таинств и неустанного и бескомпромиссного стремления к Гнозису люди могут неуклонно продвигаться к освобождению. Конечной целью этого процесса освобождения является достижение спасительного знания, а вместе с ним и свободы от воплощенного существования и возвращения к окончательному единству» ([Ecclessia Gnostica](#)).

Схожую теогонию в духе шеллингианства Достоевский подробно излагает в своих дневниковых записях 1863-1865 гг. («Маша лежит на столе...», «Социализм и христианство» / Д., XX, 172-175, 191-194). Параллельный спор с Белинским и Грановским (с Фурье и Прудоном и т.д.) у Достоевского никогда не выходил за пределы внутренних разборок «нового религиозного сознания»,

так же как предыдущие основные полемики новой философии: просветителей и романтиков, материалистов и идеалистов, либералов и социалистов, западников и славянофилов... То есть, это был спор о том, кому «мир спасать», церковное «немогущее врачую и оскудевающее восполняя». Все идеалистические направления «передовой мысли» того революционного времени были едины в своем религиозном вольнодумстве как неогностическом антиклерикализме, в своем стремлении «обновить христианство», просветить его «внутренним светом» своего Разума и/или Сердца для учреждения на земле новой («доведенной до совершенства») «церкви» как «гармонии развитых личностей». И в этой «бесовской прелести» почвенники (братья Достоевские, А. Григорьев, Н. Страхов) устремлялись к идеальной «церкви Будущего» наперегонки с толстовцами и хлыстами, софиологами и теософами, социал-утопистами и масонами и представителями многих других толков нового гностицизма.

«Пал он на землю слабым юношей» [или эпилептиком, как Князь Мышкин-Христос], «а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. “Кто-то посетил мою душу в тот час”, – говорил он потом с твердою верой в слова свои...” Кто мог его посетить? Его мог посетить только Сам Господь! И помогать ему в течение всей его жизни творить добрые дела! Об этом и должна была идти речь во втором томе. Но он, к сожалению, не был написан...» (Кокухин Н. [«КТО-ТО ПОСЕТИЛ МОЮ ДУШУ...»](#)).

Но на то были уже выращены легионы «апостолов» Мастера с «черным поясом по христианству»: Соловьев и Розанов, Мережковский и Бердяев, чтобы закончить эпопею «Богочеловечества», явить миру новые тома «евангелия», личностное развитие на уровне «эпохи Святого Духа» и подобное Самой Троице единство «Церкви Третьего Завета».

Александр Буздалов

[1] Ср.: «...дневник [А.Г.Достоевской] не оставляет сомнения в равнодушии Достоевского к церкви, в то время как его молодая жена в каждом городе находила православную церковь и считала необходимым ее посещать. Достоевский не только ни разу не сопровождал ее, но и выражал недовольство ее усердием; в подлинной записи от 28 мая / 9 июня А. Г. Достоевская рассказывает, как сурово встретил ее муж по возвращении из церкви и выговаривал ей, что она, торопясь к обедне, не прибрала в доме; в расшифровку вслед за этим вносится оправдательное разъяснение: «Федя чрезвычайно любит порядок и всегда его поддерживает». В другом месте (30/18 июня) подлинная запись: «Сегодня я хотела идти в церковь, но Федя сказал, что это можно и отложить, и я осталась» — заменяется другой: «Сегодня я хотела идти в церковь, но опоздала и очень жалею». (А.Г. Достоевская. Дневник 1867 года. М., «Наука», 1993. С. 401).

- [2] Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. Чтение второе / Соловьев В. Соч. в 2-х томах. М., изд. «Правда», 1989. Т.2. С.18.
- [3] Достоевский Ф. Братья Карамазовы. Кн.2, гл.V / Д.,XIV,56-58.
- [4] Розанов В.В. О нужде и неизбежности нового религиозного сознания / Религиозно-философское обществов Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах (1907–1917). В 3-х томах. М., «Русский путь», 2009. Т.1. С.100.
- [5] Достоевский Ф. Дневник писателя. 1881, январь, гл.1,IV / Д.,XXVII,18-19.
- [6] Достоевский Ф. Бесы. Ч.2, гл.VII / Д.,X,197.
- [7] Мережковский Д. О Церкви грядущего / Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах (1907–1917). В 3-х томах. Цит. изд. Т.1. С.117.
- [8] Достоевский Ф. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880-1881 гг. / Д.,XXVII, 49, 65.
- [9] Достоевский Ф. Зимние заметки о летних впечатлениях. Гл.VI / Д.,V, 79.